

**КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ РОССИЙСКОГО ПРАВА
(КОНСТИТУЦИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РФ)
В СФЕРЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ**

Статья посвящена исследованию категориального аппарата современного законодательства России в сфере свободы совести и свободы вероисповедания.

Ключевые слова: *свобода совести, религия, закон, личность, общество, государство, конфессия, религиозное сообщество, убеждения, вероисповедание.*

K.V. Krupeynikov

**CATEGORICAL APPARATUS OF RUSSIAN LAW
(THE CONSTITUTION AND THE LAWS OF THE RUSSIAN FEDERATION)
IN THE FIELD OF CONSCIENCE FREEDOM**

The article is devoted to the research of categorical apparatus of the modern Russian legislation in the field of conscience freedom and religious freedom.

Keywords: *conscience freedom, religion, law, individual, society, state, confession, religious community, beliefs, creed.*

При проведении анализа понятийно-категориального аппарата постсоветской законодательной сферы, находящегося в постоянном развитии все последние годы, главными особенностями являются соответствие новым социально-политическим реалиям, международному праву и неразрывно связанное с этим стремление уйти от советских нормативных представлений.

Советское понимание религии предполагало, что она в целом отрицает, поскольку по самой своей природе есть «извращенное, фантастическое отражение в головах людей господствующих над ними природных и общественных сил».

В постсоветском Законе СССР «О свободе совести и религиозных организациях» 1990 года изменился категориальный аппарат, появляется понятие «убеждения, связанные с отношением к религии», которые можно было распространять. Тем самым, фактически было устранено советское неравенство между религией и атеизмом, при этом вольно или невольно высветилось и было признано скрытое ранее категориально-сущностное неравенство понятий «религия» и «атеизм».

Российский Закон «О свободе вероисповедания» 1990 года продолжил развитие концептуального правового языка и содержал понятие о «религиозных» и «атеистических убежде-

ниях» [1]. Религия и атеизм здесь вновь сводятся только к «убеждениям», реальностям личного уровня, очевидно противореча международно-практике понимания религии именно как феномена надсубъективного и надидеологического уровня.

Сравнительный анализ конституций современных государств, согласно Э. Сьюэлл [2, с. 44–56], позволяет выделить четыре основополагающих принципа:

- светскость государства;
- отсутствие поддержки религии государством;
- отделение религиозных объединений от государства;
- равенство религиозных объединений перед законом.

В этом контексте Э. Сьюэлл отмечает уникальность Конституции РФ, так как «она содержит все четыре понятия и устанавливает довольно строгий запрет на сотрудничество между государством и религиозными организациями или на предпочтение одной религиозной группы другим» [2, с. 50–51]. Это ведет к тому, что, «опираясь на данные конституционные понятия и учитывая российский опыт и культуру, различные способы сотрудничества между религией и государством, разрешенные европейскими конституциями, в соответствии с российской Конституцией в ее настоящей формулировке являются неконституционными» [2, с. 51].

¹ Старший преподаватель, заведующий кафедрой правовых дисциплин Орехово-Зуевского филиала НОУ ВПО «Российский новый университет».

Эти базовые положения вызывали и вызывают наиболее резкое неприятие со стороны целого спектра социальных и политических сил, придерживающихся идей «проправославного консенсуса», отражающего надежды на позитивную социальную роль именно Русской православной церкви Московского патриархата как символического носителя отечественной национальной культурно-идентификационной традиции.

В настоящее время сложилось такое положение, что законодательство, которое по логике должно быть направлено на реализацию прав и свобод человека, в сфере свободы совести стало «специально-религиозным». Оно регулирует не столько деятельность религиозных институтов как юридических лиц (гражданское законодательство) и не столько пресекающее злоупотребления в этой сфере (уголовное законодательство), сколько фактически дает возможность ограничивать свободу вероисповедания, не учитывая прав неверующей части общества.

Федеральный закон 1997 года, по мнению С.В. Медведко, «отразил новые реалии, сложившиеся к тому времени в российском обществе и в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений, укрепил и развил законодательно-нормативную базу государственно-конфессиональных отношений в России, упорядочил условия и процедуру регистрации религиозных объединений, подтвердил конституционный принцип равенства религиозных организаций перед законом, создал условия для их конструктивного и плодотворного сотрудничества с государством. Фактически между государством и религиозным сообществом был заключен компромисс, позволявший строить отношения на правовых основаниях» [3, с. 344–345].

Несмотря на многие положительные стороны, Закон оставил целый ряд вопросов нерешенными, его содержание до сих пор вызывает споры политиков, правоведов, представителей отдельных религиозных и правозащитных организаций, однако принципиальные изменения или дополнения в него до настоящего времени не вносились [4].

В международных правовых документах тоже различают понятия надличностного и личностного уровней, где первые выражаются через термины «язык», «нация», «религия», а вторые – через понятия «вера» и «убеждения» [5].

Надличное (социальное) и личное (индивидуальное) связываются не только формальной «законностью», отчужденно устанавливающей рамки личного поведения, но отношением «совести», чувства ответственности и долга перед другими, согласия как с возможностью других

иметь свои уникальные убеждения, свои идентификационные символы, так и с возможностью духовного общения и обобщения, связывания в общности.

Понимание гармонии социального и субъективного, убежденности и толерантности существенно различается в зависимости от трактовки природы «убеждений». Наше законодательство исходит из понимания «убеждений» как чего-то статичного, вечного и неизменного, «конфессиоцентричного». Именно эту статику оно и стремится регламентировать и увековечить, настаивая только на толерантности, терпимости, но не способствуя установлению взаимопонимания, предполагающего умение встать на «чужую» позицию.

Очевидно, что ни одно из убеждений не может претендовать на абсолютную истину.

При внимательном анализе международно-правовых актов можно прийти к выводу о том, что границы свободы совести во всех этих документах определены только в самом общем виде. Более точная конкретизация этих границ относится, с учетом социальных, религиозных, национальных особенностей, к национальному праву.

Конституция России подтвердила в качестве правовой основы такие международные нормы, как светскость государства, равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии и равенство религиозных организаций.

Нормы Конституции РФ, при их внимательном анализе, не имеют, так же как и нормы международного права, конкретного характера, не полностью учитывают сущность права на свободу совести, поэтому ее реализация находится в зависимости от политики государства в области религии и государственно-конфессиональных отношений.

Существующая законодательная база взаимоотношения государства и религиозных объединений в современной России являются одной из основных проблем построения гражданского общества. Экономические и социальные проблемы нередко являются следствием разрыва между государственной властью и гражданским обществом. Преодоление этой проблемы невозможно без полной реализации конституционных принципов свободы совести, которые служат для защиты человека и общества от любого идеологического господства, которое недопустимо в правовом демократическом обществе.

Ныне действующее законодательство, по сравнению с предыдущим, большее внимание уделяет регулированию корпоративных прав, определяя правовой статус, права и условия деятельности религиозных объединений [6, с. 122].

Однако, как справедливо замечает А.Е. Себенцов: «Законов много, но их реальное действие определяется матрицей общественного сознания» [7, с. 31].

Литература

1. Закон РФ «О свободе вероисповедания» // Советская Россия. – 1990. – 10 ноября; Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. – 1990. – № 5; Проект Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российская газета. – 1997. – 16 сентября.
2. Сьюэлл, Э. Сравнительная характеристика светских государств и равенство религиозных организаций / Э. Сьюэлл // Пределы светскости. – М. : Центр «Сова», 2005.
3. Медведко, С. Религиозная ситуация и законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений в России / С. Медведко // Пределы светскости : общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести / сост. А. Верховский. – М. : Центр «Сова», 2005.
4. Законодательство России о свободе совести и о религиозных объединениях. Сборник нормативных актов / сост. А.В. Пчелинцев. – М. : Институт религии и права, 2000. – 64 с.
5. Всеобщая Декларация прав человека // Америка. – 1991. – № 421; Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. – М., 1985; Конвенция ООН о правах ребенка. – М., 1991.
6. Симорот, С.Ю. Правовое регулирование реализации свободы совести в Российской Федерации / С.Ю. Симорот. – Хабаровск : Изд-во «Хабар. гос. техн. ун-та», 2001.
7. Себенцов, А.Е. Типологизация религиозных объединений в контексте государственно-конфессиональных отношений / А.Е. Себенцов // Классификация религий и типологизация религиозных организаций. – М. : ИД «АТИСО», 2008.